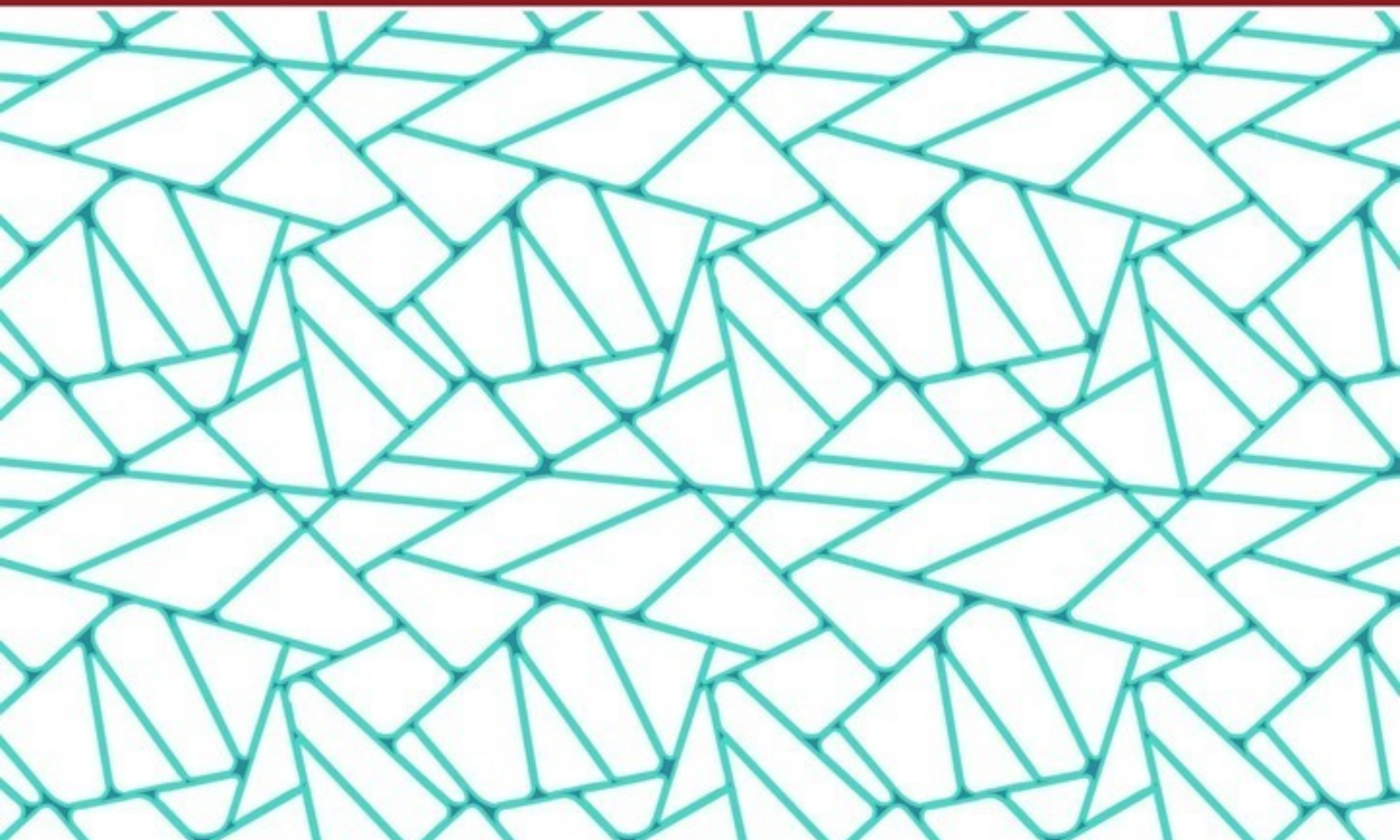

Юстус Липсий

*О постоянстве
во времена
общественного
зла (1583)*

Юстус Липсий

**О постоянстве во времена
общественного зла (1583)**

«Издательские решения»

Липсий Ю.

О постоянстве во времена общественного зла (1583) /
Ю. Липсий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-652428-6

De Constantia in publicis malis («О постоянстве во времена общественного зла») — философский диалог, опубликованный Юстусом Липсиусом в двух книгах в 1583 году. Книга, написанная по образцу диалогов Сенеки, сыграла ключевую роль в создании концепции совмещения стоицизма и христианства, которая стала известна как неостоицизм. De Constantia выдержала более восьмидесяти изданий в XVI — XVIII веках.

ISBN 978-5-00-652428-6

© Липсий Ю.
© Издательские решения

Содержание

Введение от переводчика	6
Введение	8
Первая книга	12
Глава 1	12
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	16
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	20
Глава 9	23
Глава 10	24
Глава 11	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

О постоянстве во времена общественного зла (1583)

Юстус Липсий

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Юстус Липсий, 2025

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2025

ISBN 978-5-0065-2428-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

De Constantia in publicis malis («О постоянстве во времена общественного зла») – философский диалог, опубликованный Юстусом Липсиусом в двух книгах в 1583 году. Книга, написанная по образцу диалогов Сенеки, сыграла ключевую роль в создании концепции совмещения стоицизма и христианства, которая стала известна как неостоицизм. De Constantia выдержала более восьмидесяти изданий в XVI – XVIII веках.

Введение от переводчика

Юстус Липсий (1547—1606) считается основателем неостоицизма, который сделал для древних стоиков то, что до него сделал для платонизма Марсилио Фичино, а после – Пьер Гассенди для эпикурейства. Подобно Фичино и Гассенди, работа Липсия заключалась в том, чтобы сделать группу языческих античных философов приемлемой для современной христианской аудитории. Элементы стоической философии вызывали восхищение у мыслителей Средневековья и раннего Возрождения, особенно элементы их этики, а сочувственному восприятию стоика Сенеки способствовало распространение серии писем, которые, как считалось, были написаны между Сенекой и Святым Павлом. Однако когда дело дошло до их физики, все стало сложнее. Одно дело – высокодушные рассуждения о добродетели и безразличии к имуществу, но совсем другое – убежденный детерминизм, отрицающий свободу воли, чудеса и даже ограничение воли Бога. По мере того как восстановление античной литературы в эпоху Возрождения (в сочетании с появлением книгопечатания) приводило к расширению круга античных доксографических источников, христианские поклонники стоицизма все чаще сталкивались с неудобными доктринами, которые они не могли так легко принять. Будучи как раз таким поклонником, Липсий решил представить своим современникам версию стоицизма, которая столкнулась бы с этой проблемой лицом к лицу. Он сделал это в своей работе «De Constantia» 1584 года, которая оказалась настолько популярной, что выдержала множество изданий и была переведена на все основные языки мира. В этом произведении, написанном в форме диалога в двух книгах, Липсий представляет стоицизм как противостояние от превратностей судьбы. В частности, это попытка примириться с собственным опытом Липсия, ставшего жертвой потрясений гражданской войны. Ужасы, порождаемые такими конфликтами, он называет «общественным злом» (*mala publica*). Однако, как стоик, Липсий привержен утверждению, что эти внешние события, строго говоря, сами по себе не являются ни добром, ни злом, и задача *De Constantia* – предложить аргументы, призванные подорвать эмоциональное воздействие таких событий. Он делает это, предлагая четыре аргумента о природе таких общественных бед: (1) они навязаны нам Богом; (2) они необходимы и являются результатом судьбы; (3) на самом деле они могут быть выгодны для нас; и (4) на самом деле они не являются ни тягостными, ни необычными. Однако между первым и вторым аргументами существует потенциальное противоречие: общественное зло навязано Богом, но оно также необходимо. Если они необходимы, то должен ли Бог навязывать их? Если да, то ограничивает ли всемогущество Бога необходимость? Именно утверждение, что общественное зло, как и все другие события, необходимо и является продуктом судьбы, создает проблему, и чтобы решить ее, Липсий в ходе второго аргумента, касающегося общественного зла, создает таксономию различных концепций судьбы. Признаваясь в восхищении стоиками, Липсий в ходе этой таксономии излагает стоическую теорию судьбы, но затем дистанцируется от нее, описывая ряд способов, с помощью которых то, что он называет «истинной судьбой» (*verum fatum*), отличается от стоической позиции. Короче говоря, Липсий утверждает, что стоическая теория судьбы проблематична для христианина и, следовательно, может быть принята только после ряда модификаций. Модифицированная позиция, которую Липсий представляет под заголовком «истинная судьба», часто воспринимается как его собственный отличительный «неостоицизм». Двадцать лет спустя Липсий вернулся к тому же вопросу, но, как оказалось, с совершенно иной точки зрения. В 1605 году, за год до своей смерти, Липсий опубликовал великолепное фолиант-издание прозаических произведений Сенеки, содержащее жизнь Сенеки, введения к каждому из его произведений, а также подробные комментарии. В качестве дополнения к этому изданию Липсий также опубликовал за год до этого, в 1604 году, два тома, предлагающих всестороннее введение в стоическую философию: «*Manuductio ad Stoicam Philosophiam*» и «*Physiologia Stoicorum*». В этих

работах впервые были собраны и систематизированы многие древние доксографические свидетельства о стоицизме как философской системе...

Введение

От меня, читатель, не ускользнуло, что в этом новом жанре письма мне уготованы новые суждения и порицания, как со стороны тех, кто находит это занятие мудростью поразительно неожиданным для того, кого они считали приверженцем более очаровательных областей культуры, так и со стороны других, для которых все, что было сделано после древних в этом исследовании и на этой арене, будет считаться ничтожной мелочью. Ответить обоим этим критикам – в моих, нет, даже в ваших интересах. Первая группа, как мне кажется, ошибается двумя совершенно разными способами: пренебрежением и вниманием. Вниманием, потому что они считают, что должны совать свой нос в чужие исследования и действия. По невнимательности – потому что они делают это недостаточно внимательно и осторожно. Ибо, признаюсь им, эти холмы и дали муз никогда не захватывали меня настолько полно, чтобы я не обратил свой взор и разум одновременно к более требовательной Божественной материи. Я имею в виду философию, изучение которой уже с детства доставляло мне столько удовольствия, что, казалось, я могу ошибиться в своем юношеском энтузиазме, и меня нужно было сдерживать и тормозить. Мои учителя из Убии знают, что у меня вырвали из рук все книги, отобрали мои записи и заметки, которые я кропотливо собирал из всех обрывков толковников. Впоследствии я также не изменился. Во всем этом курсе обучения, если не по негибкой прямой, то все же по кривой, я знаю, что стремился к тому столбу Мудрости. А не тем путем, которым идет толпа «философов», которые, ошибочно поддавшись трудностям словесной хитрости или ловушкам расспросов, плетут и переплетают не что иное, как хитроумную нить споров. Они закликиваются на словах или заблуждениях, проводят все свое время на подступах к философии и никогда не видят ее внутренних святилищ. Они считают философию источником удовольствия, а не лекарством, и превращают самый серьезный инструмент жизни в какую-то игру пустяков. Кто из них следит за моим характером? Кто умирляет свои эмоции? Кто ставит конец или предел страху, кто – надежде? На самом деле они настолько уверены, что все эти вещи не направлены на Мудрость, что думают, что те, кто занимается этими вещами, делают что-то другое или вообще ничего не делают. И если вы посмотрите на их жизнь или суждения, то даже в самом сбросе вы не найдете ничего более нравственно грязного, что касается жизни, и ничего более глупого, что касается суждений. Как вино, для которого нет ничего полезнее, для некоторых является ядом, так и философия для тех, кто злоупотребляет ею. Но у меня другая идея: постоянно поворачивая свой корабль от грубости софистики, я направляю все паруса к одному порту – спокойному разуму. Я хотел, чтобы эти книги были главным доказательством моей учености, без обмана. Но на самом деле, утверждают другие, древние делают то, что делаете вы, лучше и богаче. Я признаю, что некоторые вещи они делают лучше, но отрицаю, что все они делают лучше. Писать о характере или эмоциях выборочно, вслед за Сенекой и божественным Эпиктетом, по моему мнению, у меня не хватает духа и смелости, но если я пишу о вещах, которых они даже не касаются, а я уверенно утверждаю, что никто другой из древних этого не делает, то почему люди презирают меня и почему они не соглашаются? Я искал избавления от общественных бед. Кто делал это до меня? Пусть исследуют тему или расположение: они признают, что это моя заслуга. А что касается самих слов, то уместно сказать: в нас нет недостатка, чтобы мы шли к кому-то просить милостыню. Наконец, пусть они знают, что я написал много других вещей для других, но эта книга – прежде всего для меня: другие были для моей репутации, а эта – для моего здоровья и безопасности. То, о чем когда-то кто-то остроумно написал, я провозглашаю искренне: «Мне достаточно нескольких читателей, достаточно одного, не достаточно ни одного». Я лишь прошу, чтобы тот, кто возьмется за эту работу, посеял в себе семя понимания, как знающего, так и прощающего. Так что, если я случайно где-нибудь оступился в вопросах провидения, справедливости и судьбы, особенно

при попытке подняться выше, пусть люди простят меня, потому что с моей стороны нет ни злого умысла, ни упрямства, а только человеческая слабость и тусклость. В конце концов, позвольте мне учиться у них: Я добьюсь того, что никто не будет так быстро давать советы, как я, чтобы измениться. Остальные пороки я не отрицаю и не умаляю в своей натуре, но упрямство и стремление к ссорам я искренне презираю и стараюсь искоренить. Процветайте, дорогой читатель. Пусть это произойдет с вами отчасти благодаря этой книге.

Песня в чистом ямбическом стиле Яна ван дер Доса из Нордвика своему другу Юстусу Липсию, большая часть липсианских аргументов, охватывающая всю работу Липсия по частям, как бы перескакивая с одного на другое.

Кому мы посвятим эту новую песню?

Для кого это стихотворение недавней давности?

Для тебя, Липсий? Ну, клянусь Геркулесом, серьезно,

Тебе, говорю, тебе, о жемчужина

Моя, и всех, кому дано обладать хорошим умом И толикой мозгов,

Чья левая грудь бьется, как правая,

Носящая образ бога.

Примите же эту ямбическую оду, посвященную вам,

Примите эту поэму нового урожая.

Стихотворение, посеянное и в то же время созданное только по вашему велению и поддержке.

То, что я когда-то, слишком долго, осуждал ваше молчание, является для меня источником стыда и сожаления.

И пусть справедливый бог Юпитер никогда не допустит.

чтобы из этого огня страсти

меня удерживает недостаток энергии,

чтобы обещание, данное устами Липсия.

я действительно не выполнил. Пусть непостоянство такого рода

Держись подальше от моего обещания.

Сгинь, кого трижды повторенные слова радуют,

Полные обмана.

Этому нас не учит и липсианский стиль,

С которым мы едва ли равны в остроумии

И знаниям; но по взаимной доброй воле

И благоговение – вот то, что нам следует делать.

И это достаточная похвала; тот, кто ищет большего, не имеет ни сердца, ни лица.

Мне достаточно войти в твой храм.

И сокровенные тайны доброго ума

Вновь обретенные познать, с тобою во главе:

И на камне твоей силы

Пробудить сердце мое, и перед любой опасностью не трепетать.

О похвальная настойчивость ума!

О учение, к которому стоит стремиться!

Как приятно по двору Лангиуса

гулять! Как сладко, о, в то же время

Сидеть рядом с вашими словами;

Твои и того, кого ты заставляешь говорить! И сопровождать тебя в сад!

Как из цветущей беседки,

Приятно отметить ряды цветов и всевозможных растений.

На которые можно посмотреть широко открытыми глазами.

А редкие семена из Нового Света
За которыми нужно следить зорким носом!
Благословенный запах, пробуждающий все ароматное
Своей приятностью.
Можно ли среди этих цветов и трав
Тому, кто нуждается в отдыхе
(Чтоб ум освободился от бед.
на время) отдохнуть?
Да: и не только это (с согласия хозяина).
Но даже с фруктами, чтобы наполнить
Колени и обе руки, и сорвать один ногтем
И поднести к носу.
Что? Ты хочешь сплести гирлянды и
венки?
Для этого, вот, есть полный выбор для тебя,
По вашей прихоти
Тимьян, или, если хотите, розы, или майоран.
Подойдите и посмотрите, как велико здесь великолепие!
Какой порядок! Как все лежит на своих местах.
Посажено в клетчатом уоре?
Восхищаться ли мне искусством хозяина или красотой места?
этого места, я не могу решить.
Я не могу не поражаться, глядя на каждое из них;
Но талант мастера – тем более,
которому дано изобилловать столькими остротами,
Кому дано руководить этим собранием,
И в чьей власти было спасти больные сердца,
И целебными снадобьями
их радовать. Эти лекарства, смотрите, их управитель Липсий
С новым мастерством дарит вам.
Чтоб ты знал, откуда дерзкая сила сердца
Готовиться должна; и откуда праздность твоя
Приходит и тошнотворная слабость чувств.
Ты можешь познать с уверенностью.
Два источника всех благ и зол;
Мнение и добрый ум.
Последний – огненная веточка небес, и от Духа
Он берет свое начало.
Что же это такое? Не бог ли, посеянный в ничтожном человеке?
Через образ самого Бога?
Тот, кто слушает это, над всеми аппетитами
Как победитель должен слушать.
Но другая часть, а именно мнение
Полная фантазии, к телу
(Из которого оно было посеяно) цепляется, обремененная чувствами,
Вечно застревая в тяжелой
грязи: сожаление – его постоянный спутник;
Блуждает, пьянствует, непостоянен.
Человеческое ничтожество, пыль, тень, мечта,

Как долго ты будешь колебаться, связанный узами мнений?
Как долго ты будешь испытывать восторг, боль,
Страх и желание будут терзать твою грудь?
Лежишь ли ты на дне? И хочешь ли ты стоять прямо?
Поднять голову над толпой?
Созерцайте подходящие очистительные обряды,
очистительные, с помощью которых над облаками и ветром
Ты сможешь летать:
И желаешь ли ты, чтобы то, что гложет твое сердце внутри
Чтобы убить тебя и отправить на гибель,
Или чтобы в сердце было тихо, а в доме – досуг,
Вдали от враждебного боя,
Где вы можете прославиться активным досугом?
(О необычное занятие!)
В этот сад Лангиуса, или Липсия,
Ступайте, если вы мудры.
Нужна ли вам стена, цитадель или щит,
чтобы отгородиться от надежд и страхов и противостоять силе желаний?
Будь уверен, что в своем отношении и действиях ты остаешься верным, а твой разум
обращен к богу,
То есть к истоку самого себя.
Как долго слабость плоти будет досаждать
для вас, и будете ли вы волочиться за образом пустой суеты, которую неопытные считают
важной?
Вот Липсий – ваш лидер:
Вы должны следовать за ним. Но для чьей пользы, скажете вы?
Подождите: чтобы в беспорядке вы наслаждались
отдыхом; и в одиночку, среди вооруженных людей,
вы ходите без страха.
На что тебе здесь жаловаться? Судьба ли тянет вас?
Божье провидение?
Следуй за ними: зачем ты бежишь напрасно
Бунтарь против своего хозяина и самого себя?
Почему ты отказываешься, негодяй? Покорись времени
и богу. Перемены – бремя
всех вещей. Ты видишь, как эти гибнут
внезапно, и в то же время появляются новые.
Они предупреждают вас о необходимости подчиниться,
Многочисленные трупы разрушенных городов,
Которые прежде казались поражающими столбы
Неба своей вершиной.
Где теперь она, привыкшая отдавать приказы царям,
Надменный город семи холмов?
Где Микены? Где прославленный город Агенор?
Коринф, Аргос, Илиум?
Посмотрите на малое и великое, на самое высокое и самое низкое:
Ничто не вечно под небесами.

Первая книга

Глава 1

Предисловие и введение. А также жалоба на проблемы бельгийцев.

Несколько лет назад, когда я ехал в Вену (Австрия), спасаясь от бед своей страны, я заехал, не без помощи бога, в город эбуронов, который находился недалеко от дороги и в котором у меня были друзья, которых я побуждал посетить как вежливостью, так и искренней любовью. Среди них был Каролус Лангиус, лучший и самый ученый человек среди бельгийцев (я говорю это без намерения обмануть или скрытых мотивов). Он принял меня с гостеприимством, сочетавшимся не только с доброй волей и общением, но и с такой беседой, которая в любое время полезна и даже полезна для здоровья. Ведь он был тем человеком, который открыл мне глаза, смахнув облако некоторых привычных представлений. Именно он указал мне прямой путь, по которому, говоря словами Лукреция, можно достичь тех «безмятежных храмов мудрых, возвышенных ученостью». Когда мы гуляли во дворе под жарким полуденным солнцем (был уже июнь), он, как водится, весьма учтиво спросил о моем путешествии и его причинах. Когда я свободно и искренне рассказал о бедах бельгийцев, о высокомерии командиров и солдат, я добавил в конце, что еще одна причина была названа мною в качестве предлога, но это была самая личная причина моего отъезда. «Ибо кто же, Лангиус, – сказал я, – может больше переносить эти беды с таким сильным и железным духом? Нас уже столько лет, как ты видишь, швыряет прилив гражданских войн, и нас не гонит только один ветер смут и восстаний. Дорожу ли я миром и покоем? Его нарушают грохот и лязг оружия. Сады и поля? Солдат и убийц гонят меня в город. Поэтому я решил, Лангий, оставив эту жалкую и несчастную Бельгию (да простит меня дух моей родины), сменить, как говорится, «землю на землю» и бежать в какое-нибудь место на земле, где я не услышу ни дел, ни имени Пелопидов. «Так ты оставишь нас, Липсий?» – спросил он. «Покинуть вас?» Я ответил: «Нет, скорее этот образ жизни. Ибо какое убежище есть от этих бед, кроме бегства? Ибо я не могу смотреть на эти вещи и переносить их каждый день, Лангий: У меня нет стальных доспехов вокруг сердца». Лангий вздохнул и сказал: «Хрупкий юноша, что это за мягкость? Что за намерение искать безопасности в бегстве? Твоя родина кипит и бурлит, я согласен, но какой регион Европы не кипит в наши дни? Вы могли бы воистину пророчествовать эту аристофановскую строку:

«Зевс, громящий высокие пределы, низложит высокие пределы».

Следовательно, не от родины надо бежать, Липсий, а от своих эмоциональных реакций. Наша душа должна окрепнуть и сформироваться, чтобы у нас была тишина среди беспорядков и мир посреди зоны боевых действий“. Я сказал, довольно грубо: „Но этих вещей следует избегать, Лангиус. Ведь, несомненно, слух о зле оказывает более легкое воздействие на душу, чем его вид. Более того, мы сами в то же время будем недостижимы для оружия, как говорится, и для пыли битвы. Разве вы не слышите, как мудро предупреждает нас Гомер,

За пределами досягаемости оружия, чтобы кто-нибудь не добавил рану к нашим ранам.

Глава 2

О том, что не следует отправляться в путешествие за границу из-за телесных болезней. Путешествие – это симптом, а не лечение. Разве что в каком-то банальном и первоначальном порыве чувств.

Лангиус слегка кивнул головой и сказал: – Я бы предпочел, чтобы ты прислушался к голосу мудрости и разума. Ибо эти тучи и туманы, которые тебя окружают, происходят от тления мнений. И поэтому, говоря словами Диогена, «тебе нужен разум или веревка на шее», тот луч света, который может осветить тьму твоей головы. Послушай, ты собираешься покинуть свою родину, но скажи мне, когда ты покинешь ее, не убежишь ли ты и от самого себя? Будь осторожен, чтобы не случилось обратного и ты не носил в своей груди источник и топливо для своей собственной проблемы. Как больные лихорадкой беспокойно ворочаются и иногда меняют постель в тщетной надежде на облегчение, так и мы тщетно меняем землю на землю по той же причине, а именно по причине нашего нездорового ума. Ибо это признак болезни, а не лекарство от нее, признание внутреннего огня, а не лекарство от него. Мудрый римлянин изящно выразился: ничего не терпеть долго – отличительный признак больного, равно как и использовать перемены как лекарство. Поэтому предпринимаются длительные путешествия, бродят по дальним берегам и то в море, то на суше подвергают свою неустойчивость испытанию, нетерпеливо ожидая, что будет дальше. Таким образом, вы убегаете от проблем, но никогда не избегаете их. Как ту лань у Вергилия, пастух стрелами пронзил ее, беспечную, изда- лека, среди критских лесов... она бродит по лесам и диктейским рощам... бродит напрасно, потому что, как добавляет тот же поэт, из ее бока вонзается смертоносное древко: так и вы, глубоко пораженные оружием эмоций, не отбрасываете их, а переносите с собой. Тот, кто сломал бедро или руку, просит не колесницу или лошадь, а хирурга: какая глупость с вашей стороны – желать вылечить себя от этого внутреннего удара, бегая и передвигаясь? Ведь это, конечно, твоя душа больна, и вся эта внешняя слабость, безнадежность и вялость проистекает из одного источника – из того, что твоя душа больна и томится». Вождь отбрасывает свой скипетр и свою божественную часть и опускается так низко, что охотно служит своим собственным слугам. Скажите мне, что даст это место или этот шаг? Разве что есть какое-то место, способное уменьшить ваши страхи, умерить ваши ожидания и искоренить порочную болезнь, которую мы так глубоко проглотили. Но такого места нет даже на Островах Благословенных. И все же, если он есть, покажите его нам, и пусть мы все отправимся туда в строю. «И все же движение и перемены, – скажете вы, – имеют свою силу освежать, и ежедневное созерцание новых и новых обычаев, людей и мест возвышает опустившуюся душу». Липсий, вы ошибаетесь. Ибо, говоря о том, как обстоит дело на самом деле, я не столько пренебрегаю путешествиями, сколько не наделяю их властью над людьми и их эмоциями. Скорее, они обладают некоторой силой, но лишь достаточной для того, чтобы устранить мелкие неприятности и тошноту души, а не болезни, которые проникли глубже, чем может достичь любое внешнее лечение. Песни, вино и отдых часто излечивали первые зачатки гнева, печали и любви, но они никогда не излечивали болезнь, которая пустила корни и закрепилась. И то же самое верно и здесь: путешествие, возможно, излечит некоторые поверхностные слабости, но не излечит настоящие. Ведь те первоначальные импульсы, которые в какой-то мере исходят от тела, все равно остаются в теле или на самой поверхности, на коже, так сказать, души, и поэтому нет ничего удивительного в том, что их стирают губкой, какой бы нежной она ни была. Но не так обстоит дело с неизбежными эмоциями, чье место или, скорее, владычество находится в самом

разуме души. Хоть ты странствуй долго и далеко, хоть ты обойдешь всю землю и море, никакое море не смоет их, никакая земля не похоронит их. xxi Они будут следовать за тобой, и «темная забота будет сидеть позади всадника», а также пешего солдата, по выражению поэта. Когда кто-то спросил его, почему путешествия не приносят ему особой пользы, Сократ ответил: «Знаешь, ты не оставляешь себя позади». Я говорю примерно то же самое. Где бы вы ни нашли убежище, с вами будет ваша испорченная и развращенная душа, а это не самый лучший спутник. Если бы это был только спутник! Я боюсь, что она скорее лидер, потому что ваши эмоции будут не следовать за вами, а скорее тащить вас.

Глава 3

Истинные болезни души не устраняются и не уменьшаются этим средством: напротив, они вновь вспыхивают из-за него. Душа – это то, что в нас болеет: средство от нее нужно искать в мудрости и постоянстве.

«Путешествия не отвлекают нас от действительно плохих вещей», – утверждаете вы, – «Вид полей, рек и гор не выводит вас за пределы ощущения вашей боли». «Они могут отвлечь и вытеснить вас, но не надолго и не к добру. Как недолго радует глаз картина, даже исключительная, так и все это разнообразие новых людей и мест, которые вы видите, пленяет нас своей новизной, но лишь на короткое время. Это отдых от бед, а не бегство: путешествия не снимают оковы боли, а ослабляют их. Как может радовать меня кратковременное видение света, когда вскоре я буду заключен в еще более тесную камеру? Так оно и есть. Все эти внешние удовольствия опутывают душу и под видом радости причиняют еще большую боль. Как несильное лекарство не удаляет вредное вещество, а перемещает его, так и пустой восторг возбуждает и усиливает в нас поток желаний. Душа не может долго блуждать вдали от себя: даже если она не желает, ее вскоре загоняют обратно домой, в старый общий шатер. Сам вид этих деревень и гор вернет вас мысленно в вашу страну, и посреди этих радостей вы увидите или услышите что-то, что возобновит болезненные ощущения. А если вы и обретете на мгновение покой, то это будет похоже на короткий сон, и вскоре, когда вы проснетесь, у вас будет такой же или даже больший жар. Ведь некоторые желания растут, когда их прерывают, и набирают силу после паузы. Поэтому отбросьте эти пустые вещи: это не лекарства, а вредные яды. Примите вместо них истинные и суровые средства. Вы меняете солнце и почву? Вместо этого измените свою душу, которую вы продали эмоциям и отстранили от ее законного хозяина – разума. От разложения разума происходит эта безнадежность, от его осквернения – эта вялость. Лучше было бы изменить душу, а не местоположение, и добиться не того, чтобы вы оказались в каком-то другом месте, а того, чтобы вы стали каким-то другим человеком. Сейчас вы горите желанием увидеть плодородную Паннонию, уверенную и сильную Вену, Дунай, царя рек, и множество чудесных и новых вещей, которые жадно пьют те, кто о них слышит, xxlv но насколько лучше было бы, если бы вы имели подобный импульс и желание мудрости прямо здесь? если бы вы нашли путь в плодородные равнины души? если бы вы исследовали источники человеческих бед? если бы вы построили цитадели и укрепления, с помощью которых можно было бы защищаться и отражать нападения желаний? Вот истинные средства от вашей болезни: все остальное – бинты и припарки. Твой отъезд не принесет тебе радости, как не принесет радости и то, что ты «избежал стольких аргивских городов и бежал сквозь толпу врагов». Врага ты найдешь в себе, в самой глубине (он ударил меня в грудь). Какая разница, в какое мирное место вы попадете? Вы принесете войну с собой. Какое мирное место? Сборище вокруг вас, нет, на самом деле они внутри вас. Ибо ваша раздираемая противоречиями душа борется и будет бороться с самой собой всегда, желая, избегая, надеясь и отчаиваясь. И подобно тому, как те, кто от страха поворачивается хвостом, незащищенный и обращенный лицом к опасности, подвергают себя ей еще больше, так и те странники и неофиты, у которых никогда не было борьбы с эмоциями, а только бегство от них. Но ты, юноша, если слушаешь меня, останешься и укрепишься в борьбе с этим врагом, горем. xxvi Прежде всего тебе нужно постоянство: победителем становится тот, кто сражается, а не бежит.

Глава 4

Определения постоянства, выносливости, здравого смысла, мнения. Как упрямство отличается от постоянства и отходит от него, так и уныние отличается от стойкости.

Возвышенный этими словами Лангия до некоторой степени, я сказал: «Твой совет возвышен и благороден, и я пытаюсь сейчас выступить и подняться, но, подобно тем, кто стремится в мечтах, мои усилия тщетны. Не стану лгать, Лангиус. Я все время возвращаюсь на родину, чьи общественные и личные заботы связаны с моей душой. Прошу тебя, отгони злобных стервятников, терзающих меня, иними цепи тревоги, которыми я навеки прикован к этому Кавказу». Лангий сказал: «Я освобожу тебя от неумолимого стервятника и, как новый Геракл, освобожу твоего Прометея. Только слушай и внимай. Я призвал тебя к постоянству, ххvll Липсий, и в постоянстве я вижу твою надежду и оплот безопасности. Постоянству ты должен научиться прежде всего. Постоянство, провозглашаю я, – это несокрушимая и непоколебимая сила души, которую не рожают и не опускают внешние силы или удача. Под «силой» я подразумеваю прочность, заложенную в душу не простым мнением, а способностью к суждению и правильным рассуждениям. Я хочу, чтобы прежде всего была исключена непреклонность (возможно, ее лучше назвать «упрямством»), потому что это тоже сила упрямой души, но сила, порожденная ветром высокомерия и репутации. И это сила только в одной части. Ибо упрямые мешки с ветром нелегко смирить, но очень легко поднять, подобно парусу, который, наполнившись ветром, опускается с трудом, возвышается и прыгает сам по себе. Такова ветреная сила тех, чье происхождение – от высокомерия и переоценки собственных достоинств, а значит, от мнения. Но истинная мать постоянства – это выносливость и смирение души, которые я определяю как добровольное и непреклонное перенесение всего, что бы ни происходило с человеком или не происходило от него. Когда это делается с полным основанием, это тот корень, на котором держится самый величественный дуб. Остерегайтесь этого, чтобы мнение не наложило на вас то, что оно предлагает вместо выносливости, а это часто уныние и своего рода паралич ослабленной души, по сути, порок, источником которого является презрительная оценка самого себя. Добродетель же идет по срединному пути и внимательно следит за тем, чтобы в своих действиях ничего не упустить и не переборщить. Ведь она обращается к весам одного лишь разума и считает их нормой и критерием собственной ценности. Правильный же разум есть не что иное, как истинное суждение и восприятие человеческих и божественных дел (в той мере, в какой божественные дела касаются нас). Мнение же есть противоположность ему, недостоверное и обманчивое суждение о тех же вещах.

Глава 5

Откуда берутся разум и мнение. Сила и власть каждого из них. Одно ведет к постоянству, другое – к слабости.

Поскольку из этого двойного источника (я имею в виду мнение и разум) проистекает не только сила и слабость души, но и вся похвала и порицание в жизни, я думаю, что сделаю доброе и полезное дело, если немного подробнее расскажу об источнике каждого из них. Ибо как шерсть должна быть подготовлена и окрашена некоторыми другими жидкостями, прежде чем она приобретет свой окончательный и наилучший цвет, так и твоя душа должна быть обусловлена этими словами, Липсий, прежде чем я всерьез окрашу ее в пурпур постоянства. От твоего внимания не ускользнуло, что в человеке есть две части – тело и душа. Одна из них более благородная, представляющая дыхание и огонь, другая – более низменная, представляющая землю. Эти части вас соединены вместе, но неким диссонирующим согласием: между ними нет легкого согласия, особенно когда речь идет о том, чтобы править или быть управляемым. Ибо каждый хочет править, а тот, кто не должен править, хочет этого еще больше. Земля пытается возвыситься над своим собственным огнем, а грязь – над небом. Поэтому в людях царят разлад, беспорядок и квазипостоянная борьба частей, враждующих между собой. Лидерами и генералами в ней являются разум и мнение. Одно сражается от имени души и в душе, другое – от имени тела и в теле. Происхождение разума – небеса, более того, он от бога. Сенека восхваляет его в возвышенном стиле: «часть божественного духа, вложенного в человека». Это та необыкновенная способность понимать и судить, которая, подобно тому как душа является совершенством человека, сама является совершенством души. Греки называли ее *νοῦς*, латиняне – «mens», или, в просторечии, «*animi mens*». Ибо, чтобы вы не заблуждались, не вся душа является правым разумом, но та ее часть, которая едина, проста, чиста, отделена от всякой примеси и пластичности и которая, одним словом, является небесной сталью в душе. Ибо, хотя она серьезно повреждена и больна тлением тела и заразой чувств, сама душа все же сохраняет некоторые следы своего происхождения на небесах, и в ней есть сверкающие остатки того первоначального чистого огня. Отсюда эти уколы совести даже в плохих и презренных людях, отсюда их внутреннее наказание и укор, отсюда их невольное согласие на лучшую жизнь. Эта более здоровая и благословенная часть не может быть подавлена, и ее горящее пламя можно только прикрыть, но не погасить. Ибо в этой тьме всегда проскакивают и вспыхивают крошечные искры, дающие свет, в этой трясине они очищают, в этом лабиринте они направляют нас и ведут к постоянству и добродетели. И как гелиотроп и некоторые другие цветы по своей природе всегда направлены к солнцу, так и разум всегда обращен к богу и его истокам. Неподвижность и неподвижность в отношении блага, восприятие одного и того же, желание и избегание одного и того же – купель и источник правильных советов и суждений. Повиноваться ему – значит повелевать, а подчиняться ему – значит управлять всеми человеческими делами. Ибо тот, кто слушает его, победил желания и побуждения. Тот, кто следует за ней, как за нитью Тесея, защищен от ошибок во всех лабиринтах жизни. Сам бог приходит к нам через этот образ бога. Нет, то, что бог приходит в нас, ближе к истине. Тот, кто сказал: «Без бога нет доброго ума», сказал правильно. Но нездоровая следующая часть (я имею в виду мнение) обязана своим происхождением телу, то есть земле: и поэтому она ничем не пахнет, если не землей. Ибо тело, даже если оно само по себе неподвижно и не чувствует, тем не менее, получает жизнь и движение от души: и, в свою очередь, оно представляет душе образы вещей через окна чувств. Таким образом, между душой и телом возникает некое общение: но это общение, если прислушаться к его результату, не приносит пользы душе.

Ибо мало-помалу его спускают с пьедестала: он передается чувствам и смешивается с ними, и из этого нечистого соединения возникает в нас мнение, которое есть не что иное, как пустой образ и тень разума. Его истинная родина – чувства, его происхождение – земля. И вот, низменное и подлое, оно не возникает, не поднимается и не смотрит ни на что высокое и возвышенное. Оно тщеславно, неопределенно, обманчиво, дурно в советах и суждениях и особенно лишает тело постоянства и истины. Сегодня оно желает этого, завтра отвергает; одобряет и порицает одно и то же; ничего не делает по суждению, но удовлетворяет и потакает телу и чувствам. Как глаз, смотрящий сквозь туман или воду, измеряет вещи неверно, так и душа, смотрящая сквозь облако мнений. Это мать зла для человека, если присмотреться: это источник нашей смятенной и беспокойной жизни. То, что заботы волнуют нас, вызвано мнением; то, что эмоции отвлекают нас, вызвано им; то, что пороки управляют нами, вызвано им. Как те, кто хочет устранить тиранию из государства, прежде всех снимают и опрокидывают цитадель, так и мы, если серьезно хотим продвинуться к доброму разуму, должны сбросить твердыню мнений. Ибо нас всегда будут подбрасывать с этими мнениями. Они колеблются, ноют, путаются и недостаточно благосклонны к богу и людям. Как пустой корабль гонит по морю всякий ветер, так и в нас тот разум бродячий, который вес и как бы балласт разума не стабилизировал».

Глава 6

Похвала постоянству и серьезный протест против него.

Итак, спутником мнения, Липсий, как ты видишь, является непостоянство: его свойство – постоянно меняться и сожалеть. Но свойство разума – постоянство, и я убедительно призываю тебя облечь им свою душу. Почему вы устремляетесь к пустым или внешним вещам? Разум – это единственный маяк, дающий подпитку законной долерифуге, в которой забываются тревоги и боли. Но если вы однажды проглотите и выпьете его до дна, поднимитесь и выпрямитесь вопреки любому падению, последовательно следуя одним курсом, а не как на весах, идущих вверх и вниз, вы будете претендовать на то великое, что рядом с богом, – неизменность. Видели ли вы сегодня на официальных документах и щитах некоторых королей возвышенные и завидные слова «Ни надеждой, ни страхом»? Это вам подойдет: тот, кто действительно царь, действительно свободен, подчиняется только богу, не подвержен игу страстей и судьбы. Как говорят, что некоторые реки текут посреди морей, сохраняя свое русло, так и ты будешь течь сквозь бурные потоки, обтекающие тебя, чтобы не принести с собой ни капли соли из этого моря печалей. Неужели вы опуститесь на дно? Постоянство поднимет вас. Будете ли вы колебаться? Оно поддержит вас. Бросишься ли ты в яму или в ловушку? Она утешит вас и вернет с края гибели. Оторвитесь от него, встаньте прямо и направьте свой корабль в этот порт, где обитают безопасность и покой, где есть убежище и безопасность от тревог и забот. Если вы с добрыми намерениями однажды достигнете этого порта, ваша страна может оказаться не только в смятении, но и в руинах: вы сами останетесь невредимы. Пусть тучи, молнии и бури обрушиваются на вас: вы правдиво и громко провозгласите, что «спокойны среди волн».

Глава 7

Что такое то, что нарушает постоянство, и сколько раз оно складывается. Что есть хорошие и плохие внешние вещи. Что плохое бывает двояким: общественным и частным. И что среди них особенно серьезными и опасными кажутся общественные.

Как только Лангий сказал это, более яростно, чем обычно, в голосе и на лице, искра доброго огня охватила и меня, и я сказал: «Отец мой (я мог бы обратиться к тебе так искренне, без лести), води меня, куда хочешь, учи, исправляй и направляй меня. У тебя есть пациент, готовый к любому лекарству, будь то металл или огонь». «Скорее и то, и другое», – сказал Лангиус. «Потому что здесь нужно сжечь стебли пустых мнений, а там – вырвать с корнем побеги страстей. Но будем ли мы продолжать идти? Или сидеть сейчас лучше и уместнее?» «Сидеть», – сказал я, – «ибо в данный момент мне становится жарко ни от одной причины». И как только Лангиус распорядился принести и поставить в зале наши места вместе, а я занял место рядом с ним, он, слегка повернувшись ко мне, снова начал следующим образом: «До сих пор я закладывал фундамент, на котором правильно и безопасно можно было бы построить предстоящую речь. Теперь, если позволите, подойдите ближе, и я расскажу вам о причинах вашей боли, коснусь, как говорится, вашего больного места. Есть две вещи, которые атакуют эту цитадель постоянства внутри нас: ложные блага и ложное зло. Я определяю их следующим образом: ВЕЩИ, КОТОРЫЕ НЕ В НАС, НО ВОКРУГ НАС, И КОТОРЫЕ НИ ПОМОГАЮТ, НИ ВРЕДЯТ ЧЕЛОВЕКУ КАК ЧЕЛОВЕКУ. И поэтому я не буду называть их хорошими или плохими ни в действительности, ни по здравому смыслу: я буду утверждать, что они таковы по мнению и по некоторому общему впечатлению большинства людей. К первому классу они относят богатство, почести, власть, здоровье и долгую жизнь. Во втором – бедность, дурную славу, слабость, болезни и смерть, а также, если выразить это одним словом, все остальное – случайное или «внешнее». Из этого двойного источника в нас возникают четыре главные страсти, которые подавляют и изнуряют всякую человеческую жизнь: желание, радость, страх и боль. Первые две из них обращены к чему-то, что считается добром, из чего они и рождаются: две последние обращены к чему-то, что считается злом. Все они вредят и беспокоят душу, и если их не предвидеть, они сбивают ее с пути, но не одним способом. Ибо когда душа спокойна и постоянна, словно весы, находящиеся в равновесии, они отталкивают ее от этого равновесия, одни – поднимая, другие – опуская. Но теперь я оставляю в стороне ложные блага и восторг (ибо это не ваша болезнь) и перехожу к ложным порокам, ряды которых опять-таки двоятся. Ибо есть общественные и частные. Общественными я называю и определяю тех, чьи мнения (*sensus*) влияют на многих в одно и то же время; частными – тех, чьи [мнения влияют] на отдельных людей. К первым относятся война, чума, голод, тирания, резня и другие явления, которые направлены вовне и являются общими. Ко вторым относятся боль, нищета, позор, смерть и все то, что содержится в доме и, по нашему мнению, относится к одному человеку. Причина, по которой я провожу это различие, не пустая, потому что человек оплакивает несчастье своей страны или изгнание и гибель многих людей совершенно иначе и в другом смысле этого слова, чем когда он оплакивает только свое собственное несчастье. Добавьте к этому множество различных болезней. Однако, если я не ошибаюсь, самые серьезные из них – от общественного зла, и уж точно – от упрямства. Ибо очень многие из нас подвержены общественному злу: то ли потому, что оно нападает на нас густо и быстро и, словно сплошной боевой строй, одолевает того, кто остается на месте, то ли еще потому, что оно обольщает нас

лестью, и мы часто не знаем и не понимаем, что от него в наших душах зарождается болезнь. Вот, если кто-то впал в частную скорбь, он должен признаться в своем пороке и слабости, даже если не исправит их (ибо какое наказание?), но тот, кто так часто не признается в своем промахе или оплошности, становится тем, кто даже хвалится этим и считает это похвалой. Ведь это называется «благочестием» и «состраданием».

И далеко ли то время, когда эта лихорадка будет закреплена среди добродетелей, а может быть, и среди общественных божеств? Поэты и ораторы восхваляют и навязывают нам горячую любовь к родине, и я, конечно, не искореняю ее, но сужу и постановляю, что она должна быть умеренной и сдержанной. Ибо, по правде говоря, это порок, несдержанность, падение и соскальзывание души с твердой позиции. Но это также и серьезная болезнь в другом смысле. Потому что в ней не одна боль, а твоя и чужая, смешанные вместе. И в то же время она чужая в двух смыслах – и по отношению к людям, и по отношению к своей стране. Чтобы вы поняли то, что, казалось бы, довольно тонко сказано и выделено мной на примере, посмотрите, ваша Бельгия сейчас терпит не одну катастрофу, и пламя этой гражданской войны окружает ее со всех сторон. Вы видите опустошенные и растерзанные поля, города, подожженные и разрушенные, захваченных и убитых мужчин, оскверненных матерей, девиц и прочие вещи, которые так любят сопровождать войну. Это боль для вас, верно? Да, но разнообразная и отчетливая, если присмотреться, потому что в одно и то же время вы оплакиваете себя, своих сограждан и свою страну. Для себя – это потеря; для своих сограждан – различные потери и разрушения; для своей страны – свержение и революция. В одном месте есть повод воскликнуть: «Несчастный я!», в другом: «...вы, мои многочисленные сограждане, встретились с этим бичом, нанесенным враждебной рукой», а в третьем: «О отец, о родина!» В итоге получается, что тот, кого не трогают и на кого не действуют эти нахлынувшие многочисленные беды, должен быть либо очень тверд и мудр, либо очень жесток.

Глава 8.

Противодействие общественным порокам. Но прежде всего – сдерживание эмоций. И среди них в этой главе – некое показное притворство, с помощью которого люди оплакивают свои собственные беды, как если бы они были бедами общественными.

Не кажется ли вам, что я притворно защищал постоянство, а теперь оправдываюсь за вашу боль? И все же я поступаю так, как поступают смелые и мужественные генералы. Я выманил на поле и в боевую линию все ваши войска, с которыми я теперь буду энергично сражаться. Сначала в стычках, а затем в открытой войне и в ближнем бою, так сказать. В стычках, однако, мне нужно растоптать под ногами в первой же атаке (если использовать архаичный термин) три эмоции, которые решительно противостоят Постоянству, а именно: притворство, набожность и жалость. Сначала первое. «Отрицаете ли вы, что страдаете от общественных бед, что они мучительны для вас, нет, даже смертельны. Утверждаете ли вы это достаточно серьезно? Или это своего рода обман и маскировка?» Я, весьма взволнованный, ответил: «Вы можете серьезно спрашивать об этом? Или вы шутите и издеваетесь?»

«Я говорю серьезно, – сказал он, – ибо мало кто из этого вашего полевого госпиталя обманывает врачей и выдает за общественную ту боль, которая на самом деле является личной. Поэтому я спрашиваю, достаточно ли вы понимаете, что та тревога, «которая сейчас терзает вас и крутит в груди», была принята ради самой родины или ради вас?» «Вы все еще сомневаетесь?» Я сказал. «Это горе только ради отечества, Лангиус, ради отечества». Он, покачивая головой, сказал: «Продолжай искать, юноша. Ибо если в тебе есть исключительное и чистое благочестие, я буду поражен: конечно, оно есть в немногих. Мы, люди, часто жалуемся на общественные беды, я думаю, и нет боли более универсальной и, так сказать, более склонной отражаться на лице», но если присмотреться, то часто можно обнаружить разницу между языком и сердцем. Слова «несчастье отечества отражается на мне» – это выклянчивание благосклонности, а не истины: они рождаются на устах, а не в сердце. Ибо то, что рассказывают о благород-

ном актере Полюсе, когда он разыгрывал историю, в которой нужно было изобразить боль, что он тайно принес урну и кости своего умершего сына, и весь театр наполнился истинным плачем и скорбью, – то же самое я говорю о большинстве из вас. О добрые люди, вы играете комедию и, переодевшись в лицо отечества, оплакиваете свои личные потери с истинными слезами. Весь мир разыгрывает спектакль», – говорит судья: конечно, в данном случае. «Эта гражданская война мучает нас, – говорят они, – как и пролитая кровь невинных, как и гибель свободы и закона». Так ли это? Я понимаю вашу боль: Я ищу и сомневаюсь в причине. Это потому, что государственные дела идут плохо? За этой ролью стоит актер, скорее потому, что ваши дела идут плохо. Мы видим, как деревенские жители часто волнуются, бегут и дают клятвы, когда приходит внезапное бедствие или буря, но стоит им отступить и осмотреть тех же людей, и вы увидите, что каждый из них боялся только за урожай и свое крошечное поле. В этом городе кричат о пожаре: хромые, почти скажу, и слепые побегут его тушить. Как вы думаете, почему? Из любви к отечеству? Нет, спросите их: потому что потеря затрагивает каждого в отдельности или, конечно, их страх. У вас ситуация аналогичная: общественные беды будоражат и беспокоят людей повсюду, но не потому, что утрата касается многих, а потому, что они сами принадлежат к числу многих.

Глава 9

Притворство раскрывается все яснее, в том числе и на примерах. В сторону о нашем истинном отечестве. А также о злобе людей, радующихся чужим бедам, когда сами они им не подвержены.

Пусть этот вопрос будет рассмотрен с твоим участием в качестве судьи и в твоём суде, но со снятой завесой, QUOD OLIM. Несомненно, вы боитесь этой войны? Боитесь ли вы ее? Почему? Потому что война сопровождается чумой и бедствиями. Чума для кого? В данный момент для других, но она может настигнуть и вас. Ixi Вот источник вашей боли (если вы готовы без всяких попыток объявить правду), вот ее происхождение! Как при ударе молнии в отдельного человека вздрагивают те, кто стоял поблизости, так и при больших и всеобщих бедствиях потеря затрагивает немногих, страх – всех. Устранив это, вы устраните и боль. Подумайте, если бы война разразилась среди эфиопов или индийцев, вы бы не встревожились (ведь вы знаете, что находитесь вне ее пределов): если же она разразится среди бельгийцев, вы будете плакать, кричать и бить себя по лбу и бедрам. Но если вы скорбите об общественных бедствиях, какая разница? «Это не мое отечество», – скажете вы. Глупец. Разве эти люди не из той же расы и рода, что и ты, не под тем же сводом неба, не на том же шаре Земли? Этот клочок, который сковывают горы, опоясывают реки, ты считаешь родиной? Вы ошибаетесь. Весь мир, где бы ни возникли люди из этого небесного семени. Сократ однажды прекрасно ответил человеку, спросившему, откуда он родом, что он «из мира». Великая и праведная душа не ограничивает себя теми границами, которые вытекают из чужих мыслей, но своей мыслью и чувством охватывает весь этот мир как свой собственный. Мы видим и смеемся над глупцами, которых стражник или хозяин связал узлом из соломы или тонкой нити, и они стояли, словно скованные железом или настоящими путами. Подобное безумие свойственно и нам, привязанным узами мнения к определенной части земли. Но чтобы оставить их достаточно сильными (ибо я боюсь, чтобы вы не смогли их хорошо обдумать), я добавляю еще. Если бы какой-нибудь бог поручился за вас в этой войне, что ваши маленькие поля будут нетронуты, что ваш дом и богатство будут в безопасности, и сам возвел бы вас на какую-нибудь гору, окутанную гомеровским облаком: будете ли вы по-прежнему чувствовать боль? Я не рискну утверждать это о вас, но многие все равно будут радоваться и с жадностью смотреть на эту беспорядочную резню умирающих. Почему вы качаете головой или удивляетесь этому? В человеческом характере заложена некая злоба, «радоваться чужой беде», как сказал старый поэт. И как некоторые фрукты имеют сладковатый незрелый вкус, так и чужие заботы, в то время как мы свободны от забот. Представьте себе человека на берегу океана, который видит кораблекрушение. Он, несомненно, переживает, но с некоторой неприятной болью, потому что видит чужую опасность без своей собственной. А теперь представьте того же человека на том же корабле. Очевидно, что он будет страдать от другой боли. Точно так же мы поступаем и говорим: о своих бедах мы скорбим искренне и от души, о государственных – ради формы и обычая. Поэтому отбрось театральные декорации, Липсий, откинь занавес и, отбросив всякое притворство, покажись нам с истинным лицом своей боли.

Глава 10

**Я жалуясь на Лангиуса за столь безудержное укорение.
Но кроме того, что это долг философа. Также
попытка опровергнуть вышесказанное, а также
обязательное отношение и любовь к отечеству.**

Эта первая перепалка показалась мне горькой. Прервав ее, я сказал: «Что это за недостаток сдержанности, нет, свирепости в вашей речи? Вы так набрасываетесь на меня? Я бы справедливо свел тебя с Еврипидом:

не заражай и без того больного.

Ибо я и так отягощен несчастьями».

Лангий, смеясь, сказал: «Ты ждешь печенья или чего-нибудь сладкого? А ведь совсем недавно ты просил нож и огонь. И правильно. Ведь ты слушаешь философию, Липсий, а не флейтистку. Идея состоит в том, чтобы научить, а не заманить: принести пользу, а не угождать. Чтобы ты стыдился и краснел от бед, а не смеялся: чтобы ты испытывал угрызения совести, а не радовался. «Дело философа – медицина», – как однажды провозгласил Руфус, в которой люди собираются вместе ради здоровья, а не ради удовольствия. Врач не уговаривает, не льстит, а пронзает, прокалывает, скребет и смывает душевную грязь раздражающей солью рассуждений. Поэтому, Липсий, не жди от грядущего роз, кунжута и маков, а жди шипов и кинжалов, полыни и уксуса». В ответ я сказал: «Но Лангий, если можно так выразиться, ты поступаешь со мной неправильно и недоброжелательно, и ты не бросаешь меня, как хороший боец, допустимым приемом, а ставишь мне подножку хитростью. Вы утверждаете, что я скорблю об отчизне неискренне, не ради нее самой. Так ли это? Нет. Ибо даже если я соглашусь с тобой (ведь я поступаю честно), что в этом есть какая-то доля уважения к себе, то все же не только к себе. Ибо я скорблю, Лангиус, и скорблю, в частности, о своем отечестве. И я буду скорбеть, даже если его гибель не повлечет за собой моей гибели. С полным правом. Ведь мое отечество – это то, что приютило меня, согрело и накормило. По общему согласию, это мой самый неприкосновенный и древний родитель. Но вы предоставляете мне весь мир в качестве отечества. Кто же это отрицает? Но ведь и вы признаете, что, помимо этого великого общего отечества, есть и другое, более определенное и особое, мое отечество, с которым я теснее связан неясными узами природы. Если вы не думаете, что не существует силы притяжения и тяги к родной земле. Сначала мы лежали на ней телом, стояли на ней ногами; мы дышали ее воздухом; на ней плакало наше младенчество, на ней играло наше детство, на ней воспитывалась наша юность. Здесь небо, реки, поля, знакомые нашему взору, здесь длинная вереница родных, друзей, товарищей, здесь столько притягательных радостей, которых я тщетно искал бы в другом месте земли. И это не тонкая нить мнения, как вам хочется казаться, а крепкие оковы природы. Обратитесь к животным: посмотрите, как звери любят и признают свои норы, птицы – свои гнезда. Самой рыбе в великом бесконечном океане приятно наслаждаться своей частью его. Чего уж говорить о людях, которые, даже будучи воспитанными варварами, так привязаны к родному клочку земли. Поэтому, каков бы ни был человек, он без колебаний готов умереть за него и в нем. Итак, Лангиус, я не следую и не соглашаюсь с твоей непреклонной и новаторской мудростью, а следую за Еврипидом, который истинно утверждает Все любят свое отечество по принуждению.

Глава 11

Вторая страсть чрезмерной любви к отечеству, которую они называют «благочестием», противопоставляется демонстрации. Также рассказывается о происхождении этой страсти и о том, что такое отечество на самом деле и само по себе.

Лангий, благосклонно улыбнувшись этой речи, сказал: «Юноша, твое благочестие достойно восхищения, и теперь брат господина Антония, как мне кажется, находится в опасности относительно своего имени. Но все же удобно, что эта страсть предлагает себя сама по себе и бросается вперед, опережая стандарты. Я уже решил напасть на него и уложить легким копьем. Я, однако, срываю с нее, прежде всего, как порчу, ее очень красивое одеяние, которым она неуместно украшает себя. Ибо эту любовь к отечеству принято называть «благочестием». Откуда взялось «благочестие»? Я знаю, что оно является образцом добродетели и, собственно, не чем иным, как законной и адекватной честью и любовью по отношению к Богу и родителям. Под каким же описанием, однако, отечество оказывается посередине между ними? Потому что, говорят они, оно тоже является самым неприкосновенным и древним родителем. О глупцы! Они несправедливы не только к разуму, но и к самой природе. Родитель ли это? Почему? Как? Я ничего не вижу, а ты, Липсий, если видишь острее, освети мне тьму. Потому что оно нас приютило? Ты, кажется, говорил это раньше. Но так же поступал любой хозяин, часто или трактирщик. Оно согревало нас? Не более нежно, чем сиделка или опекун. Оно питало нас? Это делал домашний скот, это делали деревья, это делали полевые культуры каждый день, это делали небо, воздух и вода среди великих телесных вещей, которым земля не приписывает никаких заслуг. Наконец, переселитесь сами, и любая другая земля, которую вы пожелаете, сделает то же самое для вас. Это изменчивые и зыбкие слова, которыми вы не выразили ничего, кроме тщетного и необразованного пристрастия к общему мнению. Настоящие родители – это только те, кто родил, сформировал и поддержал нас, от чьего семени мы являемся семенем, от чьей крови – кровью, от чьей плоти – плотью. Если хоть что-то из этого подходит для сравнения с отечеством, я вовсе не отрицаю, что выступаю против такого рода «благочестия» с бесполезным оружием. Ибо ученые и великие во многих местах утверждали именно это. Я признаю это. Но это было сделано ради репутации, а не ради истины. Но если вы последуете за мной, то оставите это священное и возвышенное слово для бога и, если угодно, для родителей, а эту страсть, даже однажды исправленную, попросите довольствоваться почетным титулом благотворительности. Но хватит о названии: давайте рассмотрим сам вопрос. Я, со своей стороны, не избавляюсь полностью от этой страсти, но усмиряю ее и обрезаю вокруг нее, как скальпелем правильного разума. Ибо как виноградная лоза разрастается слишком широко, если ее не подрезать, так и эти страсти, для которых ветерок популярности наполняет парус.

И я охотно признаюсь, Липсий (ибо я не лишаю таким образом ни одного человека или согражданина), что в каждом из нас есть какая-то склонность и любовь к этому меньшему «отечеству», но его причины или происхождение, как я вижу, известны тебе с недостаточной ясностью. Ибо вы хотите, чтобы это было от природы, но на самом деле это от обычая и условностей. Ибо после того, как люди были выведены из той грубой и одинокой жизни с полей в города и начали строить дома и стены, собираться и применять или предотвращать насилие как народ, вот, среди них по необходимости возникла община и общество, состоящее из множества разнообразных вещей. У них были общие земли и границы, храмы, рынки, сокровищницы, общие суды и особенно важные узы – ритуалы, обычаи и законы. Наша жадность

стала любить и заботиться об этих самых вещах (и, конечно, небезосновательно) как о своих собственных. Ибо в них поистине заключено право отдельных граждан, и они не отличаются от частных владений, разве что тем, что не принадлежат только одному. lxxxii Это партнерство вызвало как бы форму и облик нового положения, которое мы называем «республикой» и «отечеством». И как только люди поняли, насколько важна в ней безопасность отдельных людей, появились законы, призванные помогать и защищать ее, или, по крайней мере, от наших предков был передан обычай, который эквивалентен законам. Отсюда вытекает, что мы терпим неудобства, чтобы наслаждаться его удобствами, потому что на самом деле наши собственные частные блага безопасны, если они безопасны, и погибают, если они погибают. Отсюда наше милосердие или любовь к нему. Ради общественного блага (до этого момента какое-то скрытое божественное предвидение тянуло нас за собой) наши предки приумножали его, увеличивая величие отечества всеми своими делами и словами. Таким образом, эта страсть существовала с самого основания, по крайней мере, по моему мнению. Но если эта страсть естественна, как вы настаивали, то почему она не распространена одинаково и в одинаковой мере среди всех людей? Почему дворяне и богачи любят и заботятся об отечестве больше, а простой народ или бедняки – меньше, так что вы видите, как бедняки заняты своими собственными заботами, а общественными пренебрегают? Разумеется, так бывает со всякой страстью, происходящей от жестокого веления природы. Наконец, какую причину вы приведете, почему столь ничтожная причина часто уменьшает или уничтожает ее? Ведь вот ярость вызвала одного, любовь – другого, отцовское честолюбие – третьего, а сегодня скольких вызвал этот бог корысти? Сколько италийцев переселилось и поселилось в Галлии, Германии, даже в Сарматии, а Италия, царица стран, была оставлена только ради выгоды? Сколько тысяч испанцев в течение скольких лет алчность или честолюбие влекут в далекие страны под другим солнцем? Геркулесом, великим и сильным доказательством того, что вся эта связь, которую одно желание так необдуманно опустошает или разрывает, является внешней и вопросом мнения. Но ты все же сильно ошибаешься, Липсий, ограничивая отечество. Ведь ты ограничиваешь его той родной землей, на которой мы стоим и лежим и которую ты так пронзительно провозглашаешь другими пустыми словами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.